

Сто ложек кофе

ДАРЬЯ КРУПКИНА

КОСТИ
И
КАМНИ

Братья-близнецы Уэйнфилды продолжают управлять издательством и вспоминать о реальных и вымышленных призраках. Их сестра возвращается из колледжа, где пропал один из студентов. И последней его видела именно она. Имеет ли она к этому какое-то отношение? Ведь подобное уже случилось с ней в прошлом. И почему всё это привело к тому, что один из ее братьев истекает кровью во тьме дома?

Дарья Крупкина

Кости и камни

Винсент лежал на полу, уставившись в потолок. Он внимательно изучал узоры деревянных балок. Если же скосить глаза, можно увидеть надпись над косяком двери, оставленную давно мертвым Лукасом: твоя Башня рухнет, когда тебя будет соблазнять Дьявол. Кто бы мог подумать, что он снова окажется в этом доме. Что он здесь и закончит.

Стараясь не шевелиться, Винсент прикрыл глаза. Он ощущал, как кровь толчками выходит из раны, но знал, стоит пошевелиться, и он только ухудшит свое положение. Впрочем, сил шевелиться все равно не было. Какая ирония, истечь кровью в паре метров от того места, где когда-то погиб Лукас. Быть убитым из того же самого пистолета.

— Черт, — пробормотал Винсент.

Ему оставалось только ждать, когда вытечет достаточно крови, чтобы он умер. И он мог только вспоминать, как оказался в этой точке времени и пространства — с пулей в теле.

1

Когда музыка из колонок затихла, стал

слышен монотонный звук, как будто от далекого роя пчел. На самом деле, это работала тату-машинка, неумолимо заполняя чернилами дорожки на коже человека.

Сидящий даже не смотрел на собственную руку, над которой трудился мастер. Он без особого интереса разглядывал развешанные на стенах маленького салона плакаты, изображавшие, в основном, девиц в купальниках. Другие плакаты представляли собой просроченные афиши концертов.

Мужчина, которому делали татуировку, хлебнул виски из зажатой в свободной руке бутылки. Посмотрев на мастера, он протянул и ему.

— Будешь?

— Дай мне две минуты. И пожалуйста, сиди смирно, будь хорошим мальчиком.

— От хорошего мальчика слышу.

Мастер хрипло рассмеялся. Он не боялся никого и ничего, и дело было не только в могучем росте и крепком спортивном телосложении, не скрываемом вязью татуировок. Впрочем, выбритый наполовину череп, на котором красовался чернильный паук, выглядел довольно устрашающе.

Его спутник был куда меньше ростом. Обе его руки покрывали татуировки — левая рука была полностью закончена, а над предплечьем правой как раз работали сегодня. Если приглядеться или

начать рассматривать, то было видно, что по внутренним сторонам рук от запястий до локтей извивались змеи, покрывавшие шрамы. И уже от них шли узоры на остальную кожу рук.

Наконец, закончив, тату-мастер повел уставшими плечами.

— Ты пойдешь сегодня к Дэнни?

Мужчина со змеями на руках покачал головой:

— Пожалуй, нет. Хочу навестить Куб.

— Интересно, многие ли там знают, что ты владеешь этим клубом?

— Зачем им знать? Я прихожу и ухожу, когда вздумается, кому-то кроме персонала не обязательно ничего знать. Им вообще не нужно знать, кто владелец. Кого это волнует под «маргаритой»?

— Этим тебе и нравится Куб.

— Отчасти. Можно не прятаться. Ни о чем не думать. И «маргариту» в Кубе готовят отменно.

— Дэнни обещал, что у него новая девочка.

— Да ладно, Купер, Дэнни обещает это каждую неделю. И все равно нет никого лучше Рэйчел.

— Главное, не говори этого при Дэнни.

— Почему? — мужчина со змеями беззаботно пожал плечами. — Дэнни знает, что Рэйчел — лучшая танцовщица в его дрянном месте. А то, что

она его жена, только заставляет проникнуться к Дэнни уважением. Хотя я тут слышал сплетни, ты за ней увиваешься. Будь аккуратнее, Дэнни делиться не любит.

— Учту. И все равно надеюсь, ты зайдешь сегодня.

— Посмотрим. У меня нет желания гулять допоздна, завтра возвращается сестра.

— О, малышка Анабель!

Рот Купера сам собой расплылся в улыбке, и даже колкий взгляд собеседника не заставил его смутиться. Он знал, как ревностно тот относится к сестре.

— Да брось, Винс. Анабель уже давно не ребенок, и сама способна решать, с кем ей общаться.

— Уж точно не с тобой.

— А чем я плох? Ты почти можешь назвать меня другом.

— Мои друзья плохо заканчивают.

Мужчина со змеями поднялся и натянул футболку.

— Спасибо за все, Купер. Надеюсь, вернуться через неделю.

— Хо-хо, надеюсь, ты все-таки заглянешь к Дэнни пораньше!

Купер вывернул ручку громкости, так что теперь небольшое помещение полностью заполнил

звук голоса Мэнсона. А его клиент застыл на выходе из маленького тату-салона.

Винсент Уэйнфилд надел темные очки и сразу почувствовал себя комфортнее. Его глаза слишком болезненно воспринимали яркий свет, а к таковым относились и ночные огни Лондона. На самом деле, Винсент с трудом мог припомнить, когда он выходил на улицу без темных очков — зато именно по ним его сразу и без труда можно было отличить от брата-близнеца Фредерика.

Сейчас в стеклах отражались огни, вспыхнувшие в сумерках мегаполиса, неоновые вывески да рекламы, зазывающие в тот или иной магазин. Салон Купера был маленьким и неприметным, сюда приходили, в основном, по знакомству. А Винсент так и вообще почти каждую неделю в последнее время.

Вместе с братом они вот уже много лет управляли семейным бизнесом — издательским домом, занимавшимся несколькими престижными журналами. Папочка постарался развалить дело, но после смерти родителей контрольный пакет акций перешел к братьям. Тогда они были совсем юными, едва окончившими колледж. Но смогли все восстановить — во многом, потому что Фредерик взялся за внутреннюю политику компании, а Винсент занялся внешними связями, рекламой и контрактами.

Это была тяжелая выматывающая работа, да еще слишком часто связанная с публичностью. Если Фредерик всегда был примером собранности и элегантности, заставляя домохозяек вздыхать над его фото в журналах, то Винсент был не таков. И он даже знать не хотел, что делают с газетами с его фото. За яркую внешность с темными очками и руками в татуировках газетчики его любили — в том числе в тех изданиях, которые годились только для туалетов.

Пройдя пару кварталов, Винсент отыскал оставленный им мотоцикл. По крайней мере, пока не было никаких официальных приемов и громких событий, он был предоставлен сам себе и вечерами мог заниматься тем, что ему вздумается. Возвращаться домой не хотелось, и Винсент, как и собирался, направился в Куб.

Его любимое детище, его единственный каприз. Когда он заявил брату, что хочет собственный клуб, Фредерик недоумевал. И правда, у них не так много свободного времени, да и прибыль с него будет небольшой, Винсент изначально настаивал, что это место должно быть небольшим и неформальным.

Но Куб все-таки существовал, вот уже почти восемь лет. Назначая грамотных директоров, Винсент никогда не вникал в дела клуба, но часто в нем бывал.

В эту пятницу в Кубе выступала малоизвестная группа, но Винсент и так уже давно не отличал их друг от друга. Басы били по барабанным перепонкам, огни метались, и пробираясь через толпу к вип-зоне Винсент понимал, что у него начинает болеть голова от такого количества людей, звуков и цветов.

А потом его взгляд наткнулся на девушку, сидевшую у бара. В джинсах и просторной футболке, она собрала отросшие волосы в хвост и смотрела на сцену. Рядом с ней стоял нетронутый напиток, вполне возможно, это была просто кола.

Резко развернувшись, Винсент поспешил прочь, пока Кристина не заметила его.

Скрыв глаза за стеклами темных очков, Винсент лениво наблюдал, как спрыгнувшая со сцены девушка поднималась по лестнице клуба. Только что она крутилась в клетке на сцене, а теперь ее полуголое тело приобрело синеватый оттенок из-за неона. Ее каблуки шагали по ступенькам, тоже светящимся синим, и на миг Винсенту показалось, что это не девушка, а странное огромное насекомое с длинными тонкими лапками.

Тряхнув головой, он отвел взгляд от танцовщицы, шагавшей куда-то вверх. Там в клубе Дэнни располагалась вип-зона, и даже думать не

хотелось, что в ней происходит. По крайней мере, их Дэнни звал туда только раз, и этот раз оставался в памяти Винсента весьма смутным.

Вместе с Купером и еще парочкой знакомых они устроились внизу, среди мягких пуфиков и стеклянных столов, отражающих красноватый свет. Винсент попытался вспомнить, как называется клуб Дэнни, но так и не смог. Вместо этого он потянулся к коктейлю на столе.

На самом деле, Дэнни звали Делун, и он был родом откуда-то из Китая, но его клуб в Лондоне быстро приобрел известность в определенных кругах. Что и говорить, у Винсента сложилось впечатление, что китайцы знали толк в удовольствиях. И хотя в оформлении явственно проступали восточные черты, развлечения внутри были абсолютно интернациональными и на любой вкус.

— А вот и новенькая, — прокомментировал Купер, поджигая косяк.

Винсент лениво перевел взгляд на сцену. Он уже достаточно выпил, чтобы картинка не была слишком четкой, но тем не менее, у него были проблемы с яркостью, а не с остротой зрения.

Размеренные звуки музыки наполняли клуб, в них вплетался женский голос, ненавязчиво напевающий одни и те же слова по-китайски. И под эту музыку на сцене танцевала девушка. Она

извивалась вокруг пилона, но стриптиз не показывала. У девушки была красивая фигура и длинные ноги. А еще густые чернильные волосы, которыми она иногда взмахивала.

Согнувшись, она прижалась попой в маленькой юбочке к пилону и, выгибаясь, начала медленно подниматься. Тут ее глаза внезапно распахнулись и посмотрели точно на Винсента. Тот даже вздрогнул. Он был готов поклясться, что взгляд девушки, взгляд ее слегка раскосых глаз несколько секунд не отрывался от него. А потом движение танца изменилось, и она снова отвернулась. И сколько Винсент не приглядывался, больше девушка на него не смотрела.

— Кто она? — Винсент повернулся к Куперу, который, кажется, знал всех девиц Дэнни.

Тот подмигнул:

— Ее зовут Фэй Джордан. Как предпочитает Дэнни, у нее есть восточные корни, но родилась она в Англии. В Лондоне недавно. Тебе нравится?

— Давай лучше еще выпьем.

Пару часов спустя Винсент шагал по гаражу клуба, и до его слуха еще долетали басы и отзвуки той же навязчивой мелодии сверху. Его походка была явно нетвердой, и Винсент осознавал, что искать мотоцикл нет смысла, лучше взять такси. Он не собирался столько пить этим вечером, но неожиданное появление Кристины в Кубе выбило

его из колеи гораздо больше, чем он готов был признать.

Остановившись, Винсент снял темные очки и потер глаза. Мутный свет гаража никак не мог ему повредить, но ему начинало казаться, что выкуренные Купером косяки впитались в его собственную кожу сквозь поры.

— Винсент Уэйнфилд?

Он едва не подпрыгнул от неожиданности и крутанулся на месте, коря себя за невнимательность. Перед ним стояла та самая девушка со сцены, с длинными черными волосами и нездешним взглядом. Теперь, правда, она была полностью одета, а вместо каблуков на ногах были кроссовки, потому-то ее шагов и не было слышно.

При взгляде вблизи, девушка оказалось симпатичной, хотя и совсем миниатюрной.

Он оглядел ее с ног до головы, и только после этого кивнул:

— А ты...

— Фэй. Фэй Джордан. И мне нужна твоя помощь.

— Вот это новость.

— Это связано с твоей сестрой. И мой братом.

— Каким образом?

Девушка огляделась по сторонам, как показалось Винсенту, несколько нервно.

— Может, поговорим не здесь?

— Я сам решу, где нам говорить, но сначала расскажи, в чем дело.

— Хорошо, — вздохнула Фэй. — Мой брат исчез. А твоя сестра последняя, кто его видел.

В пентхаусе Уэйнфилдов никогда не было яркого света. Слишком чувствительные глаза Винсента болезненно реагировали на яркий свет, и чтобы он хоть дома мог ходить без темных очков, комнаты и коридоры утопали в полумраке и кутались в тенях. А за окнами располагался массив Гайд-парка — тоже не самое светлое место в городе.

Поэтому, когда Фредерик вошел домой и повернул выключатель, свет был мягким и ненавязчивым. Он знал, что сейчас комнаты пусты — Винсент успел кинуть сообщение, что задержится у Дэнни, Анабель возвращалась только завтра.

Следом за Фредериком вошла эффектная рыжеволосая женщина.

— Я сделаю кофе, — сказала она.

Фредерик кивнул и проследил взглядом, как женщина скрылась на кухне. Он не стал следовать за ней и расположился в гостиной.

Морган появилась в его жизни несколько лет назад. Амбициозная помощница, Фредерик сразу обратил на нее внимание, потому что в отличие от

других, она не кивала на каждое его слово, а возражала и высказывала свою точку зрения — довольно разумную, надо сказать. Очень быстро Фредерик оценил способности девушки, и вскоре именно она возглавила новый экспериментальный журнал в их издательском доме. Также быстро она оказалась в постели Фредерика.

Морган появилась из кухни с двумя дымящимися чашками кофе. Она успела сбросить узкие деловые туфли, но все еще была в строгом платье. Подав чашку Фредерику, она свободной рукой распустила волосы и уселась на диван, поджав одну ногу под себя.

— Винсент еще не приезжал?

— Думаю, будет позже. Когда распробует всю винную карту Дэнни.

— Я думала, сегодня он будет раньше.

— Я тоже. Но Винс встретил Кристину, и его планы изменились.

— Кристину?

— Ту самую женщину, что разбила ему сердце.

Морган покачала головой:

— Мне жаль.

— Кристина стала первой женщиной, с которой Винсент остался достаточно надолго... и по своей воле. Когда она его бросила, это не было безболезненным.

— Что случилось?

— Я так понимаю, она наговорила ему много всякого. Но главное, уже через неделю обнималась с каким-то рок-музыкантом.

— Жаль, что они столкнулись сегодня.

— Она еще и явилась в Куб, — Фредерик нахмурился. — Надо что-то придумать, я не хочу, чтобы она являлась в то единственное место, которое Винсент по праву считает своим.

— Твой брат и сам может решить эту проблему. Если ему понадобится помощь, он скажет тебе.

Фредерик вздохнул. Как бы он ни любил Морган, как бы хорошо она не относилась к Винсенту, ей никогда не понять ту связь, чтобы была между близнецами. Как и не понять того, что она сама, во многом, невольно ее нарушила.

Морган жила вместе с Фредериком уже несколько месяцев. И за это время казалось, будто Винсент переехал в другую страну. Ему нравилась Морган, он честно говорил Фредерику, что это отличный выбор. Но сам он старался реже бывать дома, и все больше отдалялся. Фредерик не знал, делает ли это брат намеренно, считая, что так лучше. Или это выходит невольно. Но у самого Фредерика было ощущение, будто от него отрезают по кусочку его самого. Он не был готов делать выбор между братом и женщиной.

К тому же, Фредерик не сомневался, ситуация с Кристиной только усугубила дело. Не важно, что после ее ухода прошло больше полугода, слишком много общих призраков их объединяло.

— Мне не терпится познакомиться с Анабель, — сказала Морган.

— Она тебе понравится. И ты ей.

— Мне бы очень этого хотелось. Хватит того, что твой брат меня избегает.

— Дай ему немного времени.

— Сколько угодно. Но... я предлагаю не ждать его сейчас. И отправиться в нашу комнату.

— Отличное предложение.

Анабель предпочла бы вернуться в Лондон вечером. Когда на город уже опустились сумерки, и начали зажигаться уличные фонари. Подобно своему брату, она куда увереннее ощущала себя в полумраке, хотя никаких проблем с глазами у нее и не было.

Но поезд прибывал чуть позже полудня. И город встречал серым нависшим небом и ронял редкие капли дождя на стекла вагона. Это вполне устраивало Анабель, дождь она любила.

— Интересно, по ком плачут небеса сегодня?

Оторвавшись от созерцания картины за окном, Анабель перевела взгляд на спутницу:

— Главное, чтобы не по кому-нибудь из

наших друзей. И не по нам.

— Нам-то не привыкать к потерям.

— Это правда. Но привыкнуть невозможно.

— А смириться?

Анабель не ответила и снова перевела взгляд в окно. Вдвоем со спутницей они занимали все купе, поэтому можно было не бояться чужих ушей и попутчиков, жаждавших поболтать. Но с некоторой досадой Анабель подумала, что предпочла бы сейчас даже не свою спутницу, а полную тишину. Немного сладостной тишины с каплями дождя — все-таки она возвращалась домой после долгого отсутствия.

Ей нравился колледж, правда нравился. Все эти увлекательные предметы и само здание, будто источавшее историю. Анабель любила гулять по территории после дождя, вдыхать запах влажной земли, прикасаться рукой к старинным замшелым камням.

Но этого хватит пока, и она стремилась домой. В сумрачный пентхаус, с едва слышно скрипящей мебелью и тончайшими занавесками на окнах. Пропахший кофе и вином, опиумом и абсентом. Анабель жаждала вернуться в свою комнату, которую, как она знала, братья не трогали.

При воспоминании о Фредерике и Винсенте, уголки губ Анабель невольно приподнялись в улыбке. Они приезжали к ней в колледж, но она все

равно успела соскучиться. По длинным ночным разговорам с Винсентом или по походам к мадам Ламбер с Фредериком, когда они вместе устраивались в задних комнатах ее магического салона и с интересом изучали старинные книги.

— Если хочешь побыть одна, я могу сразу с вокзала поехать к сестре.

— Нет, — Анабель покачала головой. — Она будет тебя ждать, но сначала я покажу тебе свой дом.

Спутница Анабель кивнула и тоже посмотрела в окно. Она была хрупкой, как будто невесомой. Сквозь ее белую, почти прозрачную кожу на руках виднелись тонкие дорожки вен. Густые волосы тоже были белого цвета, хотя их она, конечно, подкрашивала.

Офелия Джордан заметила:

— Подъезжаем.

— Хорошо.

Анабель собрала длинные черные волосы в высокий хвост, накинула расшитую кружевом кофту. Потом занялась багажом, и когда поезд мягко ткнулся, останавливаясь у платформы, обе девушки были готовы.

Братья Уэйнфилды ждали их у машины. Анабель немного боялась, что Фредерик возьмет с собой свою новую женщину, но подобного не случилось, они были вдвоем. Винсент присел на

капот машины, на нем был темный свитер и очки. Фредерик стоял рядом, в белой рубашке. Заметив Анабель, он сделал несколько шагов ей навстречу, обнял, а потом подхватил ее вещи.

— Ани, ну наконец-то!

— Рада тебя видеть, Рик.

Анабель улыбнулась, а потом обняла второго брата.

— Ах, Винс...

— Здравствуй, сестренка.

Наконец, Анабель отступила назад и взмахнула рукой, показывая на свою спутницу:

— Это Офелия Джордан, моя подруга. Она сначала заедет к нам, я хочу показать ей наш дом.

Фредерик, похоже, был удивлен, но кивнул, а вот Винсент даже не стал изображать удивление.

— Я знаком с твоей сестрой Фэй, Офелия. Она говорила, что ты, скорее всего, приедешь с Ани. Потом я отвезу тебя к ней.

— Благодарю.

Это были первые слова Офелии, сказанные братьям, но Анабель не сомневалась, отнюдь не последние. Винсент помог ей с багажом, а сама Уэйнфилд уселась на заднее сиденье машины Фредерика. Она полной грудью вдохнула знакомый запах салона, где кожа смешивалась с дорогим парфюмом. И Анабель наконец-то почувствовала, что вернулась домой.

Фредерик следил за дорогой, слушая разговор Винсента, сидевшего рядом, и Анабель. Обычно немногословная сестра сейчас явно соскучилась по их обществу, поэтому с удовольствием рассказывала о колледже.

— Не понимаю, почему ты не захотела, чтобы мы забрали тебя прямо оттуда, — проворчал Винсент. В машине он снял темные очки, и теперь крутил их в руках.

— Мне нравятся поезда. Поэтому я была совсем не против проехаться.

— Хорошо хоть, ты согласилась, чтобы мы выкупили купе.

— Да, спасибо. Случайных попутчиков я не люблю.

— Зато если б тебя забирали мы, можно было проехаться на машине. И ты была дома еще пару дней назад.

— Ничего страшного. К тому же, у меня была компания, Офелия.

Фредерик глянул в зеркало заднего вида и столкнулся со взглядом белокурой подруги Анабель. Он тут же перевел взгляд на дорогу, хотя так и не смог выбросить из головы взгляд Офелии — взгляд, который, кажется, невозможно прочитать или понять. Это была странная девушка. И явно похожая в своих странностях на Анабель.

Невольно Фредерик вернулся к разговору с братом, который состоялся несколько часов назад. Когда утром Фредерик пил кофе на кухне, встал и весьма помятый Винсент. У него явно было плохое настроение — а может, просто похмелье. Уж кто как не Фредерик знал, что Винсент не будет ничего рассказывать о прошедшем вечере, и уж тем более о встрече с Кристиной. Но к его удивлению, брат рассказал о другой женщине.

Правда, уже в машине. Брат нагнал его, когда Фредерик уже уселся на водительское место. Винсент плюхнулся рядом, сжимая в руках стаканчик с кофе — вряд ли даже он мог сказать, какой по счету.

— Я сейчас умру, — сообщил он, пристегиваясь.

— Ну, ты сам виноват.

— Знаю-знаю. После пьянок мне нужно хорошенько высыпаться, а если не получится, то лучше и не пить. Согласен. Сам виноват.

Фредерик не настаивал с расспросами, а Винсент молча пил кофе. И Фредерик уже предполагал, что всю дорогу до вокзала они проведут в молчании, когда Винсент внезапно сказал:

— Ты знаешь, вчера произошло кое-что странное.

— Ммм?

— Я познакомился с женщиной.

— Не то чтобы странно.

— Да послушай. Ее зовут Фэй, и ее сестра Офелия — подруга Анабель.

— Вроде она упоминала какую-то Офелию. Я еще запомнил, потому что имя необычное.

— Ну, Ани не из тех, кто будет рассказывать о своих подругах. Да и не в ней суть. Дело в их брате. Он учился в том же колледже, но исчез полгода назад.

— Весьма печально.

— Последний раз его видели в обществе Ани.

Фредерик спокойно вел машину еще пару минут, пока не остановился на светофоре. Только тогда он посмотрел на брата:

— И что?

— Тобиас Джордан до сих пор официально считается пропавшим без вести. Фэй уверена, что Ани может знать об этом больше, чем рассказала полиции. И попросила помочь выяснить.

— Хочешь допросить Ани?

— Не говори глупостей. Я просто хочу знать то, что известно ей. Ну, и возможно, попробовать помочь Фэй с ее братом.

— А с чего твоя новая подруга решила, что Анабель рассказала не все?

— Ее показания поверхностны. А она... они встречались с Тоби.

Увидев в отражении на очках Винсента, что зажегся светофор, Фредерик снова сосредоточился на дороге. Но и без лишних слов он знал, что они с братом подумали об одном и том же. О Лукасе. Давняя история, которую они оба хотели забыть и, конечно же, не могли. Их вечный бестелесный спутник, их призрак, который не отпустит никогда.

Он тоже встречался с Анабель, а потом исчез. И всего несколько человек знали правду — правду о том, как он изменял Анабель, а она слетела с катушек, узнав об этом. Вряд ли она понимала, что творит. Вряд ли даже спустя время, даже теперь Ани понимала, что тогда совершила — или она просто предпочитала об этом забыть, заперла в чуланах памяти. Жаль, у Фредерика так не вышло, и он знал, у Винсента тоже. Темными ночами их обоих порой преследовал призрак мертвого Лукаса, убитого их сестрой.

Вряд ли история могла повториться, но Фредерик поймал себя на мысли, что по спине у него прополз холодок. И он понял, почему это дело так заинтересовало Винсента.

Теперь они ехали вчетвером, вместе с неожиданной подругой Анабель. Фредерик попытался вспомнить, что он раньше слышал об Офелии Джордан.

Анабель писала много писем. Она не могла приезжать часто, но как минимум, раз в неделю оба

Уэйнфида получали письмо на свою электронную почту. Анабель рассказывала о том, что ее окружает. Что она видит, что изучает и что чувствует. Обычно ей отвечал Винсент, у него всегда было проще с написанием текстов. Порой Федерик бывал так занят, что просматривал их переписку только бегло. Теперь он корил себя за это.

Но насколько он мог помнить, Анабель никогда не писала ни о ком по имени Тобиас. Она вообще не упоминала никаких парней, и тогда это не казалось Фредерику подозрительным. Что и говорить, Анабель все еще тосковала по Лукасу, своей первой и единственной любви. Но она вовсе не собиралась хранить верность призраку до конца своих дней, Анабель отнюдь не такова.

Бегло Фредерик кинул взгляд на брата, сейчас беседующего с Ани. Он тоже не слышал ни о каком Тоби, но стоит поговорить с ним наедине, возможно, он вспомнит что-то из переписки. А может, стоит еще разок перебрать все письма из почтового ящика. Кто знает, вдруг там будет подсказка.

Конечно же, можно напрямую спросить Анабель. Но вряд ли она также прямо ответит. Не то чтобы она намеренно увиливала от ответов... просто ее представление о том, что важно, не совпадало с общепринятым. И ее представления о

том, что нормально и допустимо.

К тому же... Фредерик ощущал, как ему в спину уставился взгляд прохладных глаз Офелии. О ней Анабель рассказывала — но Фредерик и подумать не мог, что это ее лучшая подруга. Которую она привезет обратно домой.

О чем же еще не упоминала Анабель?

В маленькой уютной комнате играла негромкая музыка, и ее мелодичные переливы ничем не напоминали привычную музыку клуба Дэнни. Но на самом деле, Фэй предпочитала четко различать личную жизнь и работу.

Ее квартирка была очень маленькой, хотя в первой половине дня, как сейчас, ее всю наполнял свет из большого окна. На кровати валялась недочитанная книга, а Фэй, одетая только в большую рубашку и гольфы, не находила себе места и ходила из угла в угол.

Письмо от Офелии было достаточно четким, она просила сестру не встречать ее и дожидаться дома. И хотя Фэй не понимала, почему сестра не захотела, чтобы ее встретили, она знала, что спорить с Офелией бессмысленно.

Старше всего на пару лет, Фэй всегда ощущала, будто это она младшая сестра. Да, безусловно, Офелия признавала авторитет Фэй и даже позволяла заботиться о себе. Но Фэй зачастую

ощущала себя неуютно, когда льдистые глаза смотрели на нее.

Подойдя к окну, Фэй прищурилась и посмотрела на улицу. Там сновали машины, но ничего похожего на такси или Офелию. На этот раз Фэй даже не догадывалась о мотивах сестры, и это ее пугало.

Потому что во всех действиях Офелии был смысл. Всегда.

— Анабель много рассказывала о тебе.

— Правда? И ты меня представляла... таким?

— Думала, ты выше.

Винсент усмехнулся и снова уставился на дорогу. Офелия устроилась рядом и явно не собиралась молчать до квартиры Фэй, адрес которой она дала.

Когда Анабель показала подруге свой дом, именно Винсент вызвался подвезти Офелию. Отчасти потому что он знал, Фредерик хочет познакомить сестру с Морган. Но отчасти ему хотелось просто узнать получше эту парочку, Офелию и Фэй.

— А вот Анабель о тебе рассказывала мало.

Винсент заметил, как Офелия кивнула:

— Я сама ее попросила. Мне не хотелось быть одной из тех подружек, о которых сплетничают.

— Ани явно не из сплетниц.

— Конечно. Но все равно неприятное ощущение, когда о тебе рассказывают, а ты даже не знаешь что. Как будто обсуждают за спиной.

— Ну, сама-то ты отлично слушаешь подобные разговоры.

— Мне интересны люди. А ты и Фредерик — все-таки не подружки Ани, о которых она сплетничает.

— Мне бы не пошло платьишко, это точно.

Девушка негромко рассмеялась. У нее был довольно тихий голос и такой же негромкий смех. Но все равно Винсенту казалось, он заполняет машину, будто запах духов... или ядовитый газ.

— А что изучала в колледже ты?

— Поступая, я выбирала между искусством и рекламой.

— Не очень-то схожие области.

— Ничего подобного. И та, и другая воздействуют на сознание людей, даже когда люди сами об этом не подозревают, — она помолчала секунду-другую и продолжила. — Ты ведь тоже занимаешься рекламой?

— В каком-то роде. Все рекламные контракты нашего издания на мне. Как и прочие вопросы связей с общественностью.

— Мне было бы интересно побывать в вашем издательстве.

— Возможно, однажды. Я так понимаю, ты

выбрала рекламу?

— Нет, в итоге, как и Анабель, я выбрала английскую литературу. Искусство создавать реальность привлекло меня куда больше, чем способы воздействовать на нее.

Офелия замолчала, и Винсент сосредоточился на дороге. На той подземной стоянке он проговорил с Фэй всего минут пять, от силы десять, но все равно у него сложилось впечатление, что они с сестрой довольно различны — и это различие не только в цвете волос.

Они направлялись почти что в клуб Дэнни. Почти, но конечно, не совсем. Офелия указала адрес дома на соседней улице, сказав, что именно там Фэй снимает квартиру. Когда они остановились, белокурая девушка повернулась к Уэйнфилду:

— Ты не зайдешь? Пятый этаж. Раз вы знакомы, Фэй наверняка будет рада тебя видеть.

— Думаю, еще больше она будет рада видеть тебя одну.

— Как хочешь. Спасибо, что подвез.

Отстегнув ремень безопасности, Офелия нагнулась к Винсенту и поцеловала его в щеку, так невесомо, что он даже не сразу это понял. А потом выскользнула из машины и, подхватив свою совсем небольшую сумку с заднего сиденья, направилась к дому сестры.

Вопреки опасениям Фредерика, Морган быстро нашла общий язык с Анабель. Они сошлись на любви к викторианской литературе и актеру Эйдану Тернеру. Это было очень кстати, потому что буквально в понедельник Винсента в офисе встретила новость, что один из крупных рекламных партнеров решил пересмотреть условия контракта — а они вообще-то рассчитывали на билборды по городу чуть ли не с завтрашнего дня. Когда разъяренный Винсент отправился к Фредерику, чтобы рассказать «об этих говнюках», то встретил брата в коридоре. Тот шел сообщить, что печать нового выпуска задерживают.

Поэтому следующие дни оказались крайне насыщенными делами, и уделять время чему-то еще, даже думать о чем-то еще, было крайне проблематичным.

Но в итоге, рекламщики поупрямились, но приняли условия Винсента, а новый номер был благополучно отпечатан под руководством Фредерика. Морган принесла обоим братьям кофе, и они с удивлением обнаружили, что уже пятница.

— Это была безумная неделя, — Фредерик залпом выпил сразу половину бумажного стаканчика.

Винсент устроился на краешке его стола, болтал кофе и думал о том, что больше всего на свете ему сейчас хочется спать.

— Скоро будет не проще.

— С чего вдруг?

— Неужто я помню о делах, о которых забыл мой брат?

— Да ну тебя, Винс! Так что я забыл?

— Линдона Кросби.

— Разве уже сейчас?

— Именно так. Через пару недель. Линдон Кросби собственной персоной.

— Знакомое имя, — нахмурилась Морган.

— Еще бы, — вздохнул Фредерик. — Его дядя — крупный американский финансист, Линдон его единственный наследник. Но помимо банков у мистера Кросби еще и собственное издание. Мы проведем с ним деловую беседу.

— Он хочет издавать наши журналы в Америке?

— Пока что просто деловая беседа. Поэтому приезд Линдона Кросби никак не афишировался. Официально он здесь просто чтобы посмотреть Лондон. Ну, а неофициально проведет пару встреч.

— Звучит неплохо.

— Если б он не был занозой в заднице, — фыркнул Винсент. — Тот еще выскочка. Хоть и неплохо разбирающийся в финансах, в этом ему не

откажешь. Посмотрим, насколько он хорош в издательском деле.

— Вы знакомы?

— Встречались как-то раз.

Кофе был почти допит, хотя Винсент так и не смог заставить себя полностью прикончить стаканчик. Фредерик посмотрел на это с удивлением, но брат только криво усмехнулся:

— Ты не представляешь, который это стакан кофе за сегодня. У меня уже вместо крови по венам течет кофе.

Морган с Фредериком собирались домой, как они знали, там Анабель и, кажется, гостившая Офелия. Но Винсент ехать с ними отказался, заявив, что у него есть еще кое-какое дело.

— Как хочешь, — пожал плечами Фредерик, — только пожалуйста, не вляпайся еще во что-нибудь.

На самом деле, план Винсента был прост и не предполагал «ввязывания». Просто услышав, что Офелия в квартире Уэйнфилдов, Винсент решил навестить к ее сестре. И расспросить, наконец, подробнее об их исчезнувшем брате.

На самом деле, почти всю неделю это не давало ему покоя. Даже занятый рабочими вопросами, где-то на периферии сознания он продолжал размышлять о Тобиасе Джордане. Он и

сам не мог бы сказать, почему его так задела и заинтересовала эта история — возможно, уж слишком живо она напомнила историю Лукаса. Или скорее, призрака Лукаса, от которого у Винсента до сих пор пробегал холодок по спине.

Он не хотел оставлять эти дела на завтра. Не собирался упускать шанс.

Припарковавшись недалеко от дома Фэй, Винсент с удивлением понял, что все еще помнит, что сказала Офелия: пятый этаж. Но все же приходиться вот так без приглашения почти в ночи, Винсент не хотел. Он вытащил из кармана телефон, мельком глянув на часы. Почти половина первого.

Винсент нахмурился: скорее всего, Фэй уже танцевала у Дэнни, если только она не работает сегодня всю ночь. Если так, придется ее либо ждать, либо все-таки перенести встречу.

Телефон молчал гудками довольно долго, и Винсент подошел к темной витрине магазина. Он видел свой мутный силуэт, хотел было снять очки и посмотреть на себя как в зеркало, но в этот момент телефон щелкнул. Инстинктивно Винсент развернулся, смотря на окна пятого этажа и пытаясь угадать, какие из окон принадлежат мисс Джордан.

— Да?

— Привет, Фэй, это Винсент. Ты... занята сейчас.

— Нет. Не очень. Только вернулась от Дэнни.

— Я хотел поговорить с тобой. Могу я подняться?

— Ты внизу?

Занавески на одном из окон шевельнулись, и Винсент увидел темный силуэт.

— Ну, я поздно спохватился, что стоит сначала позвонить.

Фэй, кажется, улыбнулась:

— Что ж, мистер Уэйнфилд, ты знаешь, как удивить девушку. Поднимайся.

Сбоку что-то ударило в витрину магазина, тут же заголосила сигнализация. А стекло брызнуло во все стороны осколками. Винсент стоял к нему почти вплотную и запоздало попытался закрыться рукой с телефоном, но ощутил, как осколки больно впиваются в руку. Щеку ожгло, будто огнем.

— Какого черта?

Винсент крутанулся на месте, но в свете фонарей увидел только, как темный силуэт убегал куда-то во мрак. Похоже, кто-то решил подшутить и разбить витрину, но не рассчитал и сам испугался того, что вышло. Сигнализация магазина продолжала голосить, а Винсент с недоумением прикоснулся к своей щеке. Было больно, а на пальцах осталась кровь.

— Винс! — К нему подлетела перепуганная Фэй, выскочившая из дома. — Тебе нужно к врачу.

— Не говори ерунды.

Нахмурившись, Фэй внимательно его осмотрела.

— Похоже, твою руку спасла куртка, хоть ей самой и конец. А вот твое лицо меня пугает.

Сняв очки, Винсент поморгал.

— Давай поднимемся к тебе. Ты же не боишься вида крови?

— Когда-то я хотела стать врачом.

— Прекрасно.

Винсент крепко сжал зубы. Он старался терпеть, хотя было больно.

— Тихо, — пробормотала Фэй.

Он сжал кулаки, ощущая, как кровь из его рассеченной щеки капает на рубашку, впитывается в нее, доходит до кожи, неприятно ее касается. Все-таки не выдержав, Винсент застонал, когда руки Фэй, наконец, скомкали полотенце, которым она промывала щеку, и кинула его в раковину.

— Все, — сказала она.

Но щеку жгло, будто огнем, и смотря на полотенце в собственной крови, Винсент понял, что раковина начинает плыть у него перед глазами.

Он очнулся спустя какое-то время и не сразу понял, что лежит в постели, уставившись на беленый потолок. Ни он, ни жесткое, приятно царапающее кожу белье не было его, как и кровать. Винсент осторожно приподнялся, оглядываясь. И

почти сразу увидел Фэй, входящую в тесную комнатку. На ней было длинное шелковое платье на китайский манер.

— Ты в порядке?

— Более-менее.

— Похоже, и не вспомнишь, как добрался до кровати. Сколько ты не спал до этого?

— Достаточно.

Фэй присела на постель рядом с Винсентом. Кровать протестующе скрипнула, но выдержала. Длинные пальцы девушки провели по щеке Винсента, куда до этого впились осколки. Он вздрогнул, но сейчас ощущал, что похоже, на месте порезов пластырь.

— Зашивать не пришлось, но шрамы останутся, — сказала Фэй.

— Надеюсь, они будут меня красить.

— Я все-таки думаю, стоило поехать в больницу. На всякий случай.

— Чтобы они всех переполошили? Ни в коем случае.

Фэй нахмурилась и опустила руку.

— Всех?

— Я о Фредерике, на самом деле.

— Твой брат? Ты не хочешь, чтобы он знал, что ты едва не остался без глаз? Или того хуже, если б осколки задели шею...

— Во-во. Поверь, у моего брата достаточно

богатое воображение, он бы представил все ужасы сразу.

— Все равно же заметит, что в тебе кое-то изменилось.

— Ну, тогда я буду стоять перед ним, это куда проще.

Девушка не переставала хмуриться, а Винсенту захотелось, чтобы она вернула руку к его лицу. Он усмехнулся, хотя делать это с пластырем на пол-лица было не очень удобно.

— К тому же, Фредерик никогда не поверит, что я тут ни при чем.

— Как ты мог сам разбить то стекло?

— Скажем так, Рик уверен, что инстинкт самосохранения у меня притуплен.

— Может, он и прав.

Винсент нахмурился, но увидев улыбку в уголках губ Фэй, понял, что она просто шутит. Он устроился на кровати, облокотившись спиной на стену и приладив там подушку.

— Хорошо хоть, штаны остались при мне, — как бы между прочим заметил Винсент.

Он думал, Фэй смутится, но ничего подобного, она только выше вздернула подбородок:

— Твоя рубашка вся в крови. Пока ты спал, я сняла ее.

— Ну, главное, когда доберусь в ней до дома, не показываться на глаза Фредерику.

— Ты же не думаешь отправиться сейчас?

Винсент пожал плечами. Он так и не увидел в комнате Фэй часов, но судя по тому, что через окно светил довольно яркий дневной свет, уже наступило утро.

— Ты можешь отдохнуть здесь, — сказала Фэй. — А потом поедешь домой.

— Кстати, где мои очки?

— Издеваешься? От них остались только осколки.

— Значит, точно поеду домой вечером.

— Я думала, все слухи о твоём зрении — преувеличение.

— Вовсе нет. От яркого света у меня начинают болеть и слезиться глаза.

— Тогда жди темноты, юный вампирчик.

Он и ждал. Правда, сон к нему не шел, и пока Фэй гремела посудой на кухне, Винсент ворочался на кровати, разглядывая небольшую комнату, где девушка уже успела опустить жалюзи на окно.

Несмотря на размер, комната была уютной, хотя и совсем не походила на то, к чему привык Винсент. Он долго не мог понять, в чем дело, а потом внезапно осознал: комната была чисто женской, без следов мужчины. Это неувлимо выразалось во всем: тонкая воздушная скатерть на столе, изящная вазочка с цветами, картина в простой деревянной раме. Хотя выбор самой

картины Винсента удивил: он ожидал увидеть сельский пейзаж, но вместо него было фото ночного мегаполиса. Похоже, Фэй таила немало секретов. Но все-таки Винсент был уверен, что в этой квартире живет только она и ее сестра, никаких мужчин.

После этого Винсент все-таки уснул на пахнущих морозной свежестью хлопковых простынях Фэй. И проснулся только под вечер. Он не сразу вспомнил, где он находится, особенно учитывая, что царил мрак. Пытаясь нащупать на столике лампу, Винсент едва не уронил вазу, чертыхнулся, но все-таки нашел выключатель.

Комната озарилась тусклым светом, под который Винсент подошел к окну и потянул за жалюзи. Перед ним открылась картина ночного переулка, освещенного фонарями и фарами проезжающих машин. Похоже, было еще не слишком поздно, а возможно, стемнело только что.

Он огляделся в поисках Фэй, но крохотная квартирка была пуста. Винсенту не хотелось копаться в вещах девушки, но он решил, что осмотреться стоит. Впрочем, осмотр занял немного времени — вся квартирка состояла из спальни, кухни, ванной комнаты и небольшой комнаты, их соединявшей. В ней стояла софа, и похоже, Фэй провела прошедшую ночь именно здесь. Вероятно, обычно тут спит Офелия.

Семья Уэйнфилд никогда не была бедной. Отец Винсента и Фредерика сколотил небольшое состояние, когда сначала писал детективы, а потом создал издательство, чтобы продавать журналы. Второе получалось у него гораздо лучше, да и денег приносило больше. Он женился по любви, и, хотя красotka Мадлен была довольно странной особой, она любила мужа и заботилась о детях, когда они появились.

Винсент никогда не спрашивал, хотели они близнецов, или это стало сюрпризом. Но если и так, то сюрпризом приятным. На тот момент Леонард как раз купил пентхаус и мог позволить дать детям лучшее. И хотя к тому моменту, как братья уехали учиться в колледж, а их младшая сестра была в частной школе, дела издательства шли не очень хорошо, они об этом толком ничего не знали.

Колледж показал им другую жизнь. Не благовоспитанное состояние частных школ, а студенческую разнузданность, братство очень разных людей и, конечно же, социальное неравенство. Как казалось Винсенту, именно тогда Фредерик усвоил, что если ты хочешь чего-то достичь, не так важно, где и кем ты родился, важнее упорно работать. Для самого Винсента эта истина не оказалась настолько ошеломляющей. Еще в Лондоне он частенько сбегал от контроля родителей и отправлялся бродить по закоулкам и

общаться с людьми, от одного упоминания которых у его отца мурашки бы пошли по коже.

Винсент благополучно не упоминал. Ни что, ни с кем, ни как. Но наверное, если бы все шло своим чередом, то вернувшись из колледжа, Винсент бы отправился дальше изучать злачные места Лондона.

Тогда все сложилось иначе. Родители не вписались в поворот, возвращаясь с приема, и совершеннолетние братья унаследовали отцовский пакет акций и, как следствие, издательский дом. Они спешно сдали выпускные экзамены и вернулись домой.

Вот тут-то им и пришлось узнать, что отец был в долгах, а дело разваливалось на глазах. В ту ночь они не включали свет в пентхаусе и долго пили виски. Ставя бутылку прямо на счета и отчеты. А на утро решили, что не дадут компании «Уэйнфилд» тоже не вписаться в поворот.

Фредерик взял на себя руководство компанией и начал воплощать истину, которую успел усвоить: если ты хочешь чего-то добиться, тебе надо работать. Винсент же просто хорошо помнил иную жизнь — и вовсе не хотел становиться ее частью. Поэтому взял на себя маркетинг и прочие внешний контракты.

У них получилось. И через пять лет «Уэйнфилд» снова стал успешным издательским

домом.

Но Винсент до сих пор терпеть не мог приемы, на которых следовало появляться исключительно в смокингах, всем улыбаться и делать вид, будто тебя волнуют голодающие дети Африки. Куда с большим удовольствием Винсент принимал приглашения на выставки, посещал клубы и даже приобрел собственный. До сих пор общество тату-мастера было ему приятнее светской беседы с дамой в вечернем платье, едва прикрывающем силиконовую грудь.

И сейчас, оглядев квартиру Фэй, Винсент снова отчетливо ощутил другой мир. Комнаты были чистыми и аккуратными, но такими маленькими, что оставалось удивляться, как тут могут поместиться вещи двух девушек.

Замок двери щелкнул, и на пороге возникла темная фигура, в которой Винсент без труда узнал Фэй.

— Что же ты свет не включил?

Она щелкнула выключателем, и в первый миг Винсент прищурился, но глаза быстро привыкли к неяркому электрическому свету.

— Не хотелось трогать что-то без хозяйки.

— Ну да, и выключатель? Ладно... хочешь чего-нибудь?

— Я бы не отказался от кофе.

Фэй прошла к узкому столу кухни и

завозилась с чашками. С любопытством Винсент увидел, что она в черных кожаных штанах и черной же кофте.

— Который сейчас час?

Он подошел поближе, и почти столкнулся с Фэй, когда она обернулась, протягивая ему чашку с кофе:

— У меня только растворимый.

— Спасибо.

— Сейчас около семи вечера.

— Тебе скоро на работу?

— У меня есть около часа.

— А где Офелия?

Винсент устроился на диване с кофе. На нем по-прежнему не было рубашки, но это его ничуть не смущало, да и в квартире было тепло. Фэй пожала плечами:

— Вообще-то у тебя. Точнее, у Анабель. Скоро вернется. Ты из-за нее приехал?

— Что?

— Ты же вчера явно приехал не за тем, чтобы словить пару осколков стекла.

— А, это. Да, я хотел поговорить об Ани, Офелии и вашем брате. Узнать подробности.

Девушка опустилась на стул напротив Винсента, поджав под себя одну ногу. Судя по аромату из ее чашки, она тоже пила кофе. Ее густые черные волосы сливались по цвету с кофтой,

оттеня и без того белоую кожу.

— Что ты хочешь знать?

— Подробности.

— Мне и самой они не известны. Когда мне сообщили, что Тоби исчез, я поехала туда, но на месте полиция не смогла сообщить ничего нового. Он учился там. И это преподаватели подняли тревогу, когда он не явился на занятия — и оказалось, что никто из студентов не видел его со вчерашнего дня. А пару дней спустя, когда Тоби так и не вернулся, полиции пришлось завести дело о его исчезновении.

— И последней его видела Анабель?

— Они провели вечер вместе, потом, по ее словам, он проводил ее до комнаты и ушел. Больше его никто не видел.

— Были свидетели?

— Нет, хотя многие знали, что вечером они вместе. Из этого не делалось секрета.

— Почему же ты думаешь, что Анабель известно больше?

— Я не знаю этого. Но мой брат не мог исчезнуть в никуда.

— А что говорит официальная версия?

— Полиция считает, что он просто сбежал.

— Но ты этому не веришь.

— Нет.

Пригубив чашку, Винсент продолжал искоса

смотреть на девушку. Но Фэй, казалось, его не замечала. Кофе стыл в ее руках, а она сидела, уставившись в пол, и рассыпавшиеся по спине волосы как будто обнимали хрупкие плечи.

— Каким он был? — спросил Винсент.

Девушка подняла на него глаза.

— Тоби? Я совру, если скажу, что он был лучшим братом на свете. Эгоистичный, себе на уме, но он по-своему всегда заботился обо мне и Офелии. Знал, когда надо промолчать, а когда говорить. Хотя порой он слишком любил настаивать на своем и не замечал момента, когда стоит остановиться. Но Тоби всегда был расчетливым, и никогда — бунтарем.

— Поэтому он бы никогда не уехал, ничего не сказав.

Фэй кивнула.

— И ты думаешь...

— Я думаю, если Тоби уехал, значит, была причина, о которой знает Анабель. А если... он мертв, она тем более знает. Твоей сестре известно больше, чем она говорит. И ты тоже так думаешь — иначе бы тебя здесь не было, Винсент.

Он не ответил, но ответ и без того был очевиден. Винсент пока не был готов рассказывать о Лукасе или больше о своей сестре. Но даже на его взгляд история выглядела крайне темной. Он подумал, что стоит начать с того, чтобы навести